

АННА ЮРЬЕВНА НИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-4230-5972; nilova@petsu.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕРМИНА «ПОЭЗИЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Впервые предпринимается попытка системного описания становления термина «поэзия» в отечественном литературоведении XVIII–XIX веков. В силу кажущейся очевидности его значение до сих пор не получило четкого определения. Впервые в отечественной литературной теории термин «поэзия» появляется в латиноязычной поэтике Феофана Прокоповича, который ориентируется на «Поэтику» Аристотеля и близко к оригиналу цитирует ее. Не давая четкого определения поэзии, Прокопович понимает под ней подражание при помощи речи. В критических и теоретических работах авторов-классицистов этот термин меняет свое значение, отождествляясь со стихотворной формой произведения. Несмотря на то влияние, которое теория европейского классицизма оказала на «Словарь...» Н. Остолопова, его автор возвращается к концепции Аристотеля и отмечает неравнозначность терминов «поэзия» и «стихи». Однозначно о поэзии как о подражательном искусстве независимо от формы говорит только В. Г. Белинский в работе «Разделение поэзии на роды и виды».

К л ю ч е в ы е с л о в а : Аристотель, «Поэтика», поэзия, стихосложение, Феофан Прокопович, Тредиаковский, Кантемир, Глаголев, Остолопов, Шевырев, Белинский

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22-18-00423.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Нилова А. Ю. Становление термина «поэзия» в отечественном литературоведении XVIII – первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 105–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.891

ВВЕДЕНИЕ

Основным источником терминологии современной теории литературы стала «Поэтика» Аристотеля. Как отмечает В. Н. Захаров, «поэтика Аристотеля во многом предопределила тезаурус и круг проблем традиционного литературоведения» [5: 3]. Однако «Поэтика» – это и одно из самых сложных произведений Аристотеля. И дело здесь не только в «сборном характере текста трактата» [8: 461], указания на который стали общим местом большинства работ, посвященных этому сочинению, а в самой концепции искусства у Стагирита. По мнению А. Ф. Лосева, динамический, становящийся, а потому и противоречивый характер теории Аристотеля отражал становящийся характер жизни, которую искусство миметически отражает:

«Дело заключается в том, что в сфере чистого разума мыслится не только чистое бытие, но и внутри-разумное становление, которое, являясь в основе бытием динамическим (потенциальным), переходит в бытие энергичное и завершается выразительной энтелехийной сфе-

рой. Аристотель здесь иной раз попросту говорит о сфере искусства как о сфере чистой возможности» [8: 396].

Греческий философ не дает используемым им в «Поэтике» терминам и понятиям четкого, раз и навсегда зафиксированного определения, поскольку любая категория так же изменчива и подвижна, как сама жизнь.

Одним из таких оставшихся без определения терминов является термин «поэзия», значение которого, с одной стороны, воспринимается как очевидное, а с другой – до сих пор не имеет четкого определения. «Толковый словарь русского языка» определяет поэзию как

«1. Словесное художественное произведение, **преимущественно** (здесь и далее выделение жирным шрифтом наше. – А. Н.), стихотворное. Стихи, произведения, написанные стихами»¹.

Схожее определение термину «поэзия» дается в «Поэтическом словаре»:

«ПОЭЗИЯ (греч. ποιησις, от ποιέω – делаю, создаю, творю) – 1) в расширительном значении – литературно-

художественные произведения в стихах или прозе. 2) В настоящее время употребляется в более узком понимании: П. – это стихотворные художественные произведения, в отличие от художественной прозы» [6].

Н. Ю. Алексеева, касаясь интерпретации рассматриваемого термина Тредиаковским, говорит об «органичном для русской мысли и речи» значении понятия и термина «поэзия» [1: 564], но не уточняет, какое именно значение является органичным. И. А. Перельмутер анализирует сравнение в аристотелевой «Риторике» стихотворной и прозаической речи и пишет о «четком разграничении между стилем поэзии и стилем прозы» в сочинениях Аристотеля, отождествляя поэзию и прозу [9: 181]. У самого же греческого философа такого однозначного отождествления нет. Целью предлагаемой статьи является описание динамики значения термина «поэзия» в отечественном литературоведении XVIII – начала XIX века.

* * *

В «Поэтике» Аристотель так описывает предмет своего сочинения:

«Эпическая и трагическая поэзия, а также комедия и поэзия дифирамбическая, большая часть авлетики и кифаристики, – все это искусства подражательные; различаются они друг от друга в трех отношениях: или тем, в чем совершается подражание, или тем, чему подражают, или тем, как подражают, – что не всегда одинаково. <...> Подражание происходит в ритме, слове и гармонии, отдельно или вместе... <...> а то искусство, которое пользуется только словами без размера или с метром, притом либо смешивая несколько размеров друг с другом, либо употребляя один какой-нибудь из них, до сих пор остается <без определения>» [2: 40–41].

В другом фрагменте читаем:

«...людей, связывающих понятие “творить” с метром, называют одних – элегиками, других эпиками, величая их поэтами не по сущности подражания, а вообще по метру. И если издадут написанный метром какой-нибудь трактат по медицине или физике, то они обыкновенно называют его автора поэтом, а между тем у Гомера и Эмпедокла нет ничего общего, кроме метра, почему первого справедливо называть поэтом, а второго скорее физиологом, чем поэтом. Равным образом, если бы кто-нибудь издал сочинение, соединяя в нем все размеры, подобно тому как Хермон создал “Кентавра”, рапсодию, смешанную из всяких метров, то и <его> приходится называть поэтом» [2: 41].

В конце второй главы, говоря о людях, которым подражают поэты, Аристотель уравнивает стихотворную и прозаическую речь.

«Станным образом, – пишет А. Ф. Лосев, – искусство слова трактуется либо как прозаическое, либо как стихотворное, а от общего наименования отдельных жанров этого искусства

Аристотель резко отказывается» [8: 422]. В целом же Аристотель понимает поэтическое искусство как изображение того, что могло бы случиться «по вероятности или необходимости». Именно этим, а не видом речи (поэтической или прозаической) поэтическое искусство отличается от риторики, которую Аристотель определяет как «способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» [2: 89].

Как отмечает А. С. Курилов,

«на русском языке ни в XVII, ни в первой трети XVIII века не было создано ни одной национальной поэтики. Все вопросы, касающиеся стиховедения (исключая переиздания “Грамматики” Смотрицкого), а затем и поэтического искусства вообще, получали в то время свое отражение в курсах, прочитанных или написанных преимущественно на латинском языке» [7: 54].

Курс «О пиитическом или стихотворном искусстве» братья Лихуды прочитали в Славяно-греко-латинской академии на греческом языке, его основным содержанием были метрика и стихосложение. И хотя в пределах своего курса Лихуды практически не давали сведений о родах и видах поэтического искусства, они впервые в отечественной практике вывели пиитику «из состава грамматики в самостоятельную область филологии» [7: 54].

Важным этапом в становлении термина «поэзия» в русской литературно-критической мысли являются труды Федора Поликарпова (ок. 1670–1731) «Алфавитарь рекше Букварь славенскими, греческими, римскими письмены учиться хотящим, и любомудрие, в пользу душеспасительную, обрести тщащимся» (Москва, 1701 г.) и «Лексикон трехязычный. Сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище из разных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чинах разположенное» (Москва, 1704 г.). В отличие от современных им поэт и риторик они были написаны на русском языке. В «Букваре...» он использует термин «пиитика», понимая под ним, вслед за школьными пиитиками предшествующего периода, обучение стихосложению. В «Лексиконе...» в качестве синонима к пиитике употребляет термин «поэтика» и понимает под ними «стихотворную науку» [7: 60]. При всей прогрессивности терминологии Федора Поликарпова в обоих случаях он говорит именно о стихотворной форме произведений.

Завершает эпоху отечественных латиноязычных поэтик грандиозное по объему и значимости сочинение Феофана Прокоповича «De arte poetica», написанное для курса, который он прочитал в Киево-Могилянской академии

в 1705 году. Слово *poeseos* (поэзия) Феофан Прокопович возводит к греческому слову *poiein* (творить, сочинять):

«...nomen poetae, poematis & poeseos derivatum est a voce Graeca poiein, quae significat facere vel fingere: unde & poeta, si usus obtinisset, recte dici posset factor, fictor vel imitator fingere enim vel effingere est imitari rem illam, cuius, simulacrum & similitudo effigitur, unde & imago effigies dicitur»² («...слово поэт, поэма и поэзия произведено от греческого слова *poiein*, что означает “творить” или “сочинять”, отсюда и поэта, если бы это было в обычае, правильно можно было бы называть “творцом”, “сочинителем” или “подражателем”» (пер. Г. А. Стратановского)³).

Природу поэзии он определяет следующим образом:

«...historiae enim simpliciter res gestas enarrant, nec effigendo eas imitantur: dialogistae vero imitantur quidem & effingunt, sed soluta oratione non metro id faciunt. Poeta vero, cui & factoris & fictoris nomen est, **carmina** facere, res fingere, id est, efficta canere debet»⁴.

Г. Стратановский переводит слово *carmen* как стихи:

«...история ведь просто повествует о подвигах и не воспроизводит их посредством изображения. Диалогисты же воспроизводят и изображают, но делают это не стихами, а в прозаической речи. Поэт же, имя которому “творец” и “сочинитель”, должен слагать **стихи**, придумывать содержание, т. е. воспевать вымышленное»⁵.

Такой перевод, в целом верный, не учитывает все оттенки значения слова *carmen*, которое обозначает не столько метрически организованную речь (как русское слово «стихи»), сколько речь, отличную от обычной (ср. «*carminibus solvere mentes*» у Вергилия или «*lex horrendi carminis erat*» у Тита Ливия). Определяя предмет поэзии, Феофан Прокопович пишет:

«...ejus materiam esse maxime propriam & accommodatam, actiones hominum ligata oratione effingendas» («...ее предмет наиболее подходит изображению людских действий связанной речью»⁶).

Г. Стратановский переводит выражение «*ligata oratione*» как «стихотворная речь»⁷, что несколько искажает содержание фрагмента и придает ему отсутствующее однозначное толкование. Слово *versum* (стихи как метрически организованный текст) Феофан Прокопович использует в III главе первой книги при описании поэтического вымысла. Ссылаясь на Аристотеля, он пишет:

«Unde Aristoteles comparando Homerum, qui cum idonea fictione pertractavit proelia & errores Ulyssis, cum Empedocle, qui libros de rerum natura **versibus** conscripsit, sic de eis pronuntiat: Homero & Empedocli nihil commune est praeter metrum, quapropter illum quidem poetam, justum est nominare, hunc vero physiologum non poetam»⁸ («На

этом основании Аристотель, сравнивая Гомера (который с подходящим вымыслом описал битвы и скитания Улисса) с Эмпедоклом, который в **стихах** написал книги о природе, так высказался о них: у Гомера нет ничего общего с Эмпедоклом, кроме стихотворного размера, – поэтому первого справедливо называть поэтом, последнего же – физиологом, а не поэтом»⁹).

Здесь Феофан Прокопович однозначно говорит о метрически организованной речи, но вслед за Аристотелем (которого, заметим, очень точно пересказывает) указывает, что метр не является отличительным признаком поэзии. Продолжая рассуждение о поэтическом вымысле, Прокопович снова обращается к авторитету греческого философа и очень близко к оригиналу излагает содержание «Поэтики»:

«Et rursus ait: licet Herodoti scripta ad metrum redigantur, manebit tamen historia, ut prius, non poema. Dicit hoc philosophus, ut refellat multorum errorem, qui solam versificationem putant sufficere ad poetae officium: historia enim, cui lex imponitur & res vere gestas & eo modo, quo gestae sunt, describere, caret licentia fingendi verisimilia. Quapropter etiam versu descripta manebit historia non poema. Per fictionem vero seu imitationem intellige non solum contextum fabularum, sed totam eam scribendi rationem, qua actiones humanae, tametsi verae sint, verisimiliter tamen effinguntur»¹⁰ («И далее Аристотель говорит: если сочинения Геродота переложить стихами, то получится, как и прежде, история, а не поэма. Философ этими словами хотел опровергнуть заблуждение многих людей, которые полагают, что одной лишь способности слагать стихи достаточно для того, чтобы быть поэтом. Ведь история, подчиненная закону описывать подлинные события и то, как они совершались, лишена вольности измышлять правдоподобное. Поэтому, даже написанная стихами, она останется историей, а не поэмой. Под поэтическим же вымыслом, или подражанием, следует понимать не только сплетение фабул, но и все те приемы описания, которыми человеческие действия, хотя бы и подлинные, изображаются, однако, правдоподобно»¹¹).

Феофан Прокопович соглашается с Аристотелем в том, что специфической сущностной особенностью поэзии является не метрически организованная речь, а вымысел и подражание. Что же касается слова *versum*, то Прокопович использует его, когда говорит конкретно о стихотворной форме, а не о поэзии. Приведем некоторые примеры употребления этого слова: «*Ovidianos versus aliquot*»¹² (некоторые стихи Овидия), «*de versu hexametro recte construendo*»¹³ (путем правильного построения гекзаметрического стиха), «*invenitur ejusmodi versus apud Horatium*»¹⁴ (подобный стих есть у Горация) и пр. Показательно употребление слова *versum* при описании стилистических упражнений:

«Alterum exercendi styli genus est non absimile priori, aequale utile & magis jucundum: videlicet, scriptum alicujus

auctoris alio metri genere, vel alio idiomate, vel fusius id, quod ille breviter, aut contra efferre, aut solutam alius orationem **versu** exponere»¹⁵ («Второй вид стилистического упражнения очень похож на первый, равно полезен и еще более приятен, а именно: он состоит в том, чтобы передать произведение какого-нибудь писателя другим размером, или на другом языке, или выразить более подробно то, что у него дано кратко или – наоборот, или же, наконец, прозаическую речь другого переложить в **стихи**»¹⁶).

Далее он как совершенно равнозначные с точки зрения поэтического искусства приводит прозаическое описание разрушенных городов в письме Сервия Сульпиция к Цицерону и стихотворное в поэме Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Метр у Феофана Прокоповича относится к сфере стилистики, а не к природе поэтического искусства.

Большое значение в развитии отечественной литературоведческой терминологии принадлежит А. Д. Кантемиру. В комментариях к переводу «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля он останавливается и на интересующей нас проблеме. Комментируя роман «Принцесса Клевская» М.-М. де Лафайет, который упоминается у Фонтенеля, Кантемир так описывает его жанр:

«...есть подь симъ титломъ французской романць, которой содержитъ вымышленную повѣсть о принцессѣ де Клевъ. Есть же романць баснь, въ которой описуется острыми выдумками какое любовное дѣло по правиламъ эпическаго стихотворенія, для забавы и наставленія читателей. Эпическое стихотвореніе есть повѣсть художновымышленная къ исправленію нравовъ, чрезъ наставленій прикрытіе подь приуподобленіями какого важнаго дѣйства, описаннаго стихами, такимъ образомъ, что истинѣ казалось подобно и было не меньше забавно, чѣмъ удивительно»¹⁷.

Кантемир сравнивает роман (романц) с басней, повестью и эпическим стихотворением и указывает на то, что он содержит вымысел. По мнению А. С. Курилова, именно наличием вымысла роман в этом определении отличается от повести, которая в сознании читателей еще прочно ассоциировалась с древнерусским жанром, содержащим описание реальных событий (ср. Повесть временных лет) [7: 94–95]. Однако вымысел должен казаться подобным истине, то есть Кантемир вслед за Аристотелем пишет о вымысле и правдоподобии как специфических чертах поэтического искусства. Кантемир указывает, что роман создается по правилам эпического стихотворения, которое, в свою очередь, пишется стихами, однако о стихотворной форме как обязательном признаке романа он не говорит. Помещая прозаический жанр в один ряд со стихотворными произведениями и определяя его через сравнение

с ними, Кантемир выводит стихотворную форму за пределы поэзии и поэтического искусства. Однако эти термины не употребляются, речь идет либо о конкретных жанрах, либо о стихотворстве, стихе и стихотворении.

Термины «поэзия», «стихотворство», «стихотворение» впервые четко разделил В. Третьяковский в статье «Мнение о начале поэзии и стихов вообще»:

«...многие, пишучи первоначально о поэзии, иногда сливали ее со стихами. Наш язык весьма сему подвержен, когда поэзию называют стихотворением, хотя, впрочем, прямое понятие о поэзии есть не то, чтоб стихами составлять, но чтоб творить, вымышлять и подражать. Творение есть расположение вещей после оных избрания; вымышление есть изобретение возможностей, то есть не такое представление деяний, каковы они сами в себе, но как они могут быть или должныствуют; а подражание есть следование во всем естеству описанием вещей и дел по вероятности и подобию правде. Всяк видит, что стих есть не то; творение, вымышление и подражание есть душа и жизнь поэмы, но стих есть язык оныя. Поэзия есть внутреннее в тех трех, а стих токмо наружное»¹⁸.

Далее Третьяковский приводит уже упомянутое аристотелево сравнение историка с питом. Н. Ю. Алексеева высказала предположение, что именно в этой статье впервые слово «поэзия» было употреблено Третьяковским «в современном смысле» [1: 563]. Правда, исследователь не уточняет, какое именно из современных значений она имеет в виду. В анализируемой статье Третьяковский разводит понятия «поэзия» и «стихи», «стихотворение» как вид искусства и его «язык», форму, однако позднее, по наблюдению Н. Ю. Алексеевой, отождествляет понятия «поэзия» и «стихотворение» [1: 563]. В статье 1755 года «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» Третьяковский вслед за Аристотелем определяет поэзию как подражание, но однозначно и последовательно использует понятия «поэзия», «стихи», «стихосложение» как синонимические. Характеризуя дальнейшее функционирование термина «поэзия» в отечественном литературоведении, Н. Ю. Алексеева пишет:

«Только к 1790-м годам понятие поэзия, а вместе с ним и термин, становятся наконец органичными для русской мысли и речи. Таким образом, предложенное Третьяковским учение о божественной природе поэзии, не оказав, по-видимому, прямого влияния на современников, предопределило понимание поэзии в литературе сентиментализма и романтизма» [1: 564].

Однако, как кажется, процесс усвоения отечественной литературоведческой мыслью термина «поэзия» был несколько сложнее. Сумаро-

ков использует слово «поэзия» в стихотворении «О худых рифмоторцах». Название заставляет ожидать отождествления поэзии и стихов, однако автор наравне с Расином, Мольером, Тассо упоминает Вольтера и Дидро, характеризуя с точки зрения критериев истинной поэзии не только стихотворные, но и прозаические произведения. В стихотворении «Учитель поэзии» Сумароков однозначно отождествляет поэзию и стихотворство. Подобное же отождествление мы находим и в статье «О стопосложении». Вероятно, вопрос об объеме и содержании терминов «поэзия» и «стихи» не был предметом специальной теоретической рефлексии Сумарокова.

Примером понимания в начале XIX века терминов «поэзия» и близких к нему «стихи», «стихотворство» может послужить перевод 25-й главы аристотелевой поэтики, выполненный А. Г. Глаголевым и опубликованный в ч. 16 за 1819 год «Трудов Общества любителей российской словесности при Московском университете». Переводчик последовательно использует термин «поэзия» как в самом тексте перевода, так и в примечаниях. Он соглашается с Аристотелем и Платоном, высказывания которого приводит для сравнения и прояснения теории Стагирита, в том, что поэзия есть подражание. Однако Глаголев также последовательно называет поэта стихотворцем, как в основном тексте, так и в примечаниях. Например, фразу Аристотеля «Ἐλεῖ γάρ ἐστι μιμητὴς ὁ ποιητὴς ὄψιτρανεὶ ζῶγράφος ἢ τις ἄλλος εἰκονοποιός» (Поэт есть подражатель, так же как и живописец) он переводит следующим образом: «Поелику стихотворецъ есть подражатель, также какъ и Живописецъ»¹⁹. В сноске к первому предложению своего перевода Глаголев пишет: «Аристотель говоритъ здѣсь, что Стихотворецъ долженъ заимствовать предметы своего подражания или изъ міра существующаго <...> или изъ міра Историческаго...»²⁰. Для него стихотворство, так же как и поэзия, является подражанием, и понятия «поэзия», «стихи», «стихотворство» он использует как синонимы. Следует отметить, что в ч. 8 за 1817 год в этом журнале опубликовано письмо Саларѣва «Нѣкоторые замѣчанія о критикѣ», в котором автор использует термин «поэзия», говоря о литературе вообще²¹. Следовательно, во второй половине 1810-х годов термины «поэзия», «стихи», «стихотворение» не были кодифицированы.

Наиболее четко проблему соотношения терминов «поэзия» и «стихи», «стихотворство» поставил Н. Ф. Остолопов в «Словаре древней и новой поэзии». Поэзию он определяет следующим образом:

«Поэзія есть вымысль, основанный на подражаніи природѣ изящной и выраженный словами, расположенными по извѣстному размѣру – такъ какъ проза или краснорѣчіе есть изображеніе самой природы рѣчью свободною»²².

Автор словаря относит прозу к сфере риторики, оставляя поэзии слова, «расположенные по известному размеру», то есть в качестве обязательного признака поэзии называет стихотворную форму. Однако он понимает сложность такой дифференциации и знаком с мнением Аристотеля о том, «что проза и стихи не отличаютъ историка отъ поэта: хотя бы вы переложили <...> всѣ Иридоковы сочиненія въ стихи, не вышло бы изъ нихъ ни одной поэмь»²³. Также он хорошо понимает, что может быть как вымысел в прозе (романе), так и описание реальных событий в стихах (исторические и дидактические поэмь), вопрос же художественного обобщения, типизации перед Остолоповым в данном случае, вероятно, не стоит:

«...мы встрѣчаемъ вымыслы піитическіе, представленные въ простой одеждѣ прозы, каковы суть романы и все писанное въ ихъ родѣ; встрѣчаемъ также предметы истинные, кои бывають украшены всѣми прелестями поэзіи таковы поэмь историческія и дидактическія. Но сіи вымыслы въ прозѣ и сіи повѣствованія или поученія въ стихахъ не заключаютъ въ себѣ ни настоящей прозы, ни настоящей поэзіи; это смѣсь двухъ различныхъ сущностей, это суть изключенія изъ общаго правила, не могущія опровергнуть показаннаго здѣсь опредѣленія поэзіи»²⁴.

Пытаясь решить возникшую проблему, Остолопов ссылается на мнения авторитетных европейских теоретиков (Maggio, Бате, Буттверка, Блера) о сути поэзии, отмечает попытки полностью свести поэзию исключительно к стихотворству, независимо от содержания, и в результате утверждает, что «сущность поэзіи состоитъ въ вымыслѣ или творчествѣ, подражающемъ изящной природѣ»²⁵, понимая под стихотворной формой «необходимое для совершеннаго изображенія предметовъ средство»²⁶.

Совершенно иной подход к пониманию сущности поэзии лежит в основе работы С. П. Шевырева «Теория поэзии в историческом ее развитии у древних и новых народов» 1836 года. Ее автор без возражений принимает атрибуцию Жаном Полем Рихтером романа как поэтического жанра. Более того, Шевырев называет новым и самым удовлетворительным воззрением на роман разделение немецким теоретиком этого жанра на роман эпический, драматический и лирический²⁷.

Теория Рихтера оказала существенное влияние на концепцию поэзии В. Г. Белинского.

В работе «Разделение поэзии на роды и виды» критик называет поэзию высшим родом искусства [3: 294].

«Поэзия выражается в свободном человеческом слове, которое есть и звук, и картина, и определенное, ясно выговоренное представление. Посему поэзия заключает в себе все элементы других искусств, как бы пользуется вдруг и нераздельно всеми средствами, которые даны порознь каждому из прочих искусств. Поэзия представляет собою всю целостность искусства, всю его организацию и, объемля собою все его стороны, заключает в себе ясно и определенно все его различия» [3: 296].

При таком определении поэзии вопрос о поэтической и прозаической форме поэзии не возникает, поэтому Белинский, как и Жан Поль Рихтер, относит к эпической поэзии роман, который полностью соответствует пониманию поэзии как синтезирующего искусства. Поэтическая теория В. Г. Белинского завершила развитие понятия «поэзия» в отечественном литературоведении XVIII – первой половины XIX века,

закрепив за ним определение вида искусства, а не его формы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Термин «поэзия», один из основных терминов современной литературной теории, в силу своей кажущейся очевидности не получил до сих пор однозначного толкования. Под ним понимается и вид искусства, и его форма. На протяжении XVIII – первой половины XIX века интерпретация этого термина претерпевает заметную динамику. Если в сочинениях Ф. Прокоповича, А. Кантемира и ранних статьях В. Третьяковского поэзия и стихотворство / стихотворная речь не отождествлялись прямо и однозначно, то к началу XIX века эти термины начинают все чаще восприниматься как синонимичные. Однако в работах С. П. Шевырева и В. Г. Белинского, написанных под влиянием эстетики немецкого предромантизма, термин «поэзия» закрепляется за видом искусства в соответствии с этимологией этого слова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. С. 576.
- ² Прокопович Ф. De arte poetica // Прокопович Ф. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 237.
- ³ Прокопович Ф. О поэтическом искусстве / Пер. Г. А. Стратановского под ред. А. Н. Егунова // Прокопович Ф. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 346.
- ⁴ Прокопович Ф. De arte poetica // Прокопович Ф. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 237.
- ⁵ Прокопович Ф. О поэтическом искусстве... С. 346.
- ⁶ Прокопович Ф. De arte poetica... С. 238.
- ⁷ Прокопович Ф. О поэтическом искусстве... С. 346–347.
- ⁸ Прокопович Ф. De arte poetica... С. 238.
- ⁹ Прокопович Ф. О поэтическом искусстве... С. 347–348.
- ¹⁰ Прокопович Ф. De arte poetica... С. 238–239.
- ¹¹ Прокопович Ф. О поэтическом искусстве... С. 347–348.
- ¹² Прокопович Ф. De arte poetica... С. 245.
- ¹³ Там же. С. 278.
- ¹⁴ Там же. С. 279.
- ¹⁵ Там же. С. 244.
- ¹⁶ Там же. С. 353.
- ¹⁷ Кантемиръ А. Д. Разговоры о множествѣ міровъ (Отрывокъ перевода) // Сочиненія, письма и избранныя переводы князя Антіоха Дмитріевича Кантемира: В 2 т. СПб., 1868. Т. 2. С. 395.
- ¹⁸ Третьяковский В. К. Мнение о начале поэзии и стихов вообще // Третьяковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб.: Наука, 2009. С. 100.
- ¹⁹ Глаголевъ А. Г. Изъ Аристотелевой піитики // Труды Общества любителей російской словесности при Императорскомъ Московскомъ университете. 1819. Ч. 16. С. 160.
- ²⁰ Там же. С. 160–161.
- ²¹ Саларевъ С. Некоторые замечанія о критике // Труды Общества любителей російской словесности при Императорскомъ Московскомъ университете. 1817. Ч. 8. С. 58–66.
- ²² Остолоповъ Н. Словарь древней и новой поэзіи. СПб., 1821. Ч. 2. С. 400.
- ²³ Там же. С. 402.
- ²⁴ Остолоповъ Н. Словарь древней и новой поэзіи... С. 400–401.
- ²⁵ Там же. С. 403.
- ²⁶ Там же. С. 404.
- ²⁷ Шевыревъ С. П. Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. СПб.: Типографія Императорской академіи наукъ, 1887. С. 255.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Н. Ю. Комментарии // Третьяковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой. СПб.: Наука, 2009. С. 501–654.
2. Аристотель. Об искусстве поэзии / Пер. В. Г. Аппельрота. М.: ГИХЛ, 1957. 183 с.
3. Аристотель. Риторика / Пер. Н. Платоновой // Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука-классика, 2000. С. 81–345.
4. Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды // Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 3. С. 294–350.
5. Захаров В. Н. Историческая поэтика и ее категории // Проблемы исторической поэтики. 1992. № 2. С. 3–9.
6. Квятковский А. П. Поэзия // Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 221.
7. Курилов А. С. Литературоведение в России XVIII века. М.: Наука, 1981. 264 с.
8. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 776 с.
9. Перельмутер И. А. Аристотель // История лингвистических учений. Древний мир / Отв. ред. А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1980. С. 156–180.

Поступила в редакцию 27.01.2023; принята к публикации 27.02.2023

Original article

Anna Yu. Nilova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4230-5972; nilova@petsu.ru

FORMATION OF THE TERM “POETRY” IN RUSSIAN LITERARY STUDIES OF THE XVIII CENTURY AND THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Abstract. The article is the first attempt to systematically describe the formation of the term “poetry” in Russian literary studies of the XVIII century and the first half of the XIX century. Its meaning seems obvious, this is why it has not been clearly defined so far. In Russian literary studies, the term “poetry” first appeared in the Latin-language poetics of Feofan Prokopovich, who focuses on Aristotle’s *Poetics* and quotes it close to the original. Without giving a clear definition of this term, Prokopovich understands poetry as imitation through speech. In the critical and theoretical words of the classicist this term changes its meaning, being identified with the poetic form of literary works. Despite the impact that the theory of European classicism had on his dictionary, Nikolay Ostolopov returns to Aristotle’s conceptual idea and says that the terms “poetry” and “verses” are not equivalent to each other. Vissarion Belinsky’s article “The Division of Poetry into Genres and Forms” is the only work that unequivocally defines poetry as an imitative art regardless of its form.

Keywords: Aristotle, Poetics, poetry, versification, Feofan Prokopovich, Trediakovsky, Kantemir, Glagolev, Ostolopov, Shevryev, Belinsky

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Science Foundation (project No 22-18-00423).

For citation: Nilova, A. Yu. Formation of the term “poetry” in Russian literary studies of the XVIII century and the first half of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):105–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.891

REFERENCES

1. Alekseeva, N. Yu. Commentary. *Trediakovsky, V. K. Works and translations both in verse and prose*. St. Petersburg, 2009. P. 501–654. (In Russ.)
2. Aristotle. On the art of poetry. Moscow, 1957. 183 p. (In Russ.)
3. Aristotle. Rhetoric. *Aristotle. Poetics. Rhetoric*. St. Petersburg, 2000. P. 81–345. (In Russ.)
4. Belinsky, V. G. The division of poetry into genres and forms. *Belinsky, V. G. Collected works: in 9 vols*. Moscow, 1978. Vol. 3. P. 294–350. (In Russ.)
5. Zakharov, V. N. Historical poetics and its category. *The Problems of Historical Poetics*. 1992;2:3–9. (In Russ.)
6. Kvyatkovsky, A. P. Poetry. *Kvyatkovsky, A. P. Poetic dictionary*. Moscow, 1966. P. 221. (In Russ.)
7. Kurilov, A. S. Literary studies in eighteenth-century Russia. Moscow, 1981. 264 p. (In Russ.)
8. Losev, A. F. History of ancient aesthetics. Aristotle and the late classics. Moscow, 1975. 776 p. (In Russ.)
9. Perelmuter, I. A. Aristotle. *History of linguistic teachings. Ancient world*. Leningrad, 1980. P. 156–180. (In Russ.)

Received: 27 January 2023; accepted: 27 February 2023